

О технике конструирования уголовного закона

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

Статья посвящена исследованию теоретических положений о законодательной технике конструирования уголовного закона. Автор доказывает, что техника создания уголовно-правовых норм существенным образом отличается от техники создания норм других отраслей права. В теории права отсутствует единая концепция, которая бы объединяла правила, соблюдение которых гарантировало бы создание качественного текста закона, как и отсутствует единый нормативный акт, который регламентировал бы процесс законотворчества в любой области. Это обуславливает то обстоятельство, что большое число норм уголовного закона вызывают нарекания по разным причинам: отсутствие в диспозиции нормы описания некоторых элементов состава преступления, использование терминов с неопределенным содержанием, закрепление в одной норме деяний разной общественной опасности, несоответствие наименования статьи ее содержанию. Совершенствование уголовного закона невозможно без создания научно обоснованной концепции законодательного конструирования уголовно-правовых норм. Автором предпринята попытка сформулировать конкретные правила, соблюдение которых позволит конструировать нормы уголовного закона с понятным содержанием, без пробелов, обеспечивающие адекватную возможность их применения во взаимосвязи друг с другом. Представлен анализ приемов (способов, методов) построения нормы, классифицированных по степени обобщения и степени полноты изложения нормы. Каждому из них дана оценка с позиции целесообразности использования в различных случаях. Сформулированы конкретные правила, относящиеся к структуре, содержанию глав УК РФ и их отдельных норм, и языковые правила. Приведены примеры нарушений, допущенных при конструировании некоторых норм УК РФ и рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: законодательная техника, уголовный закон, правила конструирования норм права, лингвистические правила, диспозиция нормы.

On the Technique of Constructing Criminal Law

N. V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article covers the study of theoretical provisions on the legislative technique of constructing a criminal law. The author proves that the technique of creating criminal law norms differs significantly from the technique of creating norms in other branches of law. In the theory of law, there is no single concept that would unite the rules, the observance of which would guarantee the creation of a high-quality text of the law, just as there is no single normative act that would regulate the process of lawmaking in any area. This determines the fact that a large number of norms of the criminal law cause criticism for various reasons: the absence in the disposition of the norm of describing certain elements of the crime, the use of terms of ambiguous content, enshrining in one norm acts of different public danger, the inconsistency of the name of the article with its contents. Improvement of the criminal law is impossible without creating a scientifically based concept of the legislative make-up of criminal law norms. The author has made an attempt to define specific rules, the observance of which will make it possible to construct norms of criminal law with clear contents, without gaps, ensuring an adequate possibility of their application in reference to each other. An analysis of the techniques (methods) for constructing a norm, classified according to the degree of generalization and the degree of completeness of presentation of the norm, is presented. Each of them is assessed from the standpoint of the appropriateness of use in various cases. Specific rules relating to the structure, content of the chapters of the Criminal Code of the Russian Federation and their individual norms and language rules are formulated. Examples of violations committed during the construction of certain norms of the Criminal Code of the Russian Federation and recommendations for their elimination are given.

Key words: legislative technique, criminal law, rules for constructing legal norms, linguistic rules, disposition of the norm.

Эффективность применения любого закона напрямую зависит от качества его написания. Общетеоретических исследований в области законодательной техники достаточно много, но до настоящего момента практически отсутствуют специальные исследования вопросов, связанных с законодательной техникой создания норм уголовного права, особенно в преломлении к технике создания определенных норм. Анализ действующего УК РФ показывает, что большое число норм вызывают нарекания по разным причинам: отсутствие в диспозиции нормы описания некоторых элементов состава преступления, использование терминов с неопределенным содержанием, закрепление в одной норме деяний разной общественной опасности, несоответствие наименования статьи ее содержанию и др. Это свидетельствует о том, что совершенствование уголовного закона невозможно без создания научно обоснованной концепции законодательного конструирования уголовно-правовых норм.

Говоря о законодательной технике в преломлении к тексту уголовного закона, нельзя не поставить вопрос о наличии или отсутствии специфики техники создания уголовно-правовых норм. Согласимся с теми авторами, которые признают специфику метода законодательной техники уголовного закона [Пронина 2016: 59]. Она связана с предметом и методом этой отрасли права, а также с необходимостью формулировать и закреплять признаки составов преступлений и конструировать санкции. Закрепляя признаки деяний, обладающих не просто общественной вредностью или противоправностью, а общественной опасностью, законодатель должен быть особенно точен, определяя круг таких деяний, описывая их признаки и закрепляя в санкциях виды и размеры наказаний. Закон, который оказывает серьезное влияние на общество и использует суровые виды наказаний, не может быть написан в той же технике, что и любой другой закон.

В одном из постановлений Конституционный Суд РФ отметил, что, учитывая тяжесть последствий ошибочного и произвольного применения уголовно-правовых норм, общие принципы права предъявляют к ним особенно жесткие требования определенности и конкретности содержания, предельной ясности и полноты описания признаков преступления, наличия четких критериев для определения запрещенного деяния, которые должны быть доступны пониманию, отчетливо сознаваться субъектом преступления и исключать любое иное, тем более расширительное, толкование правоприменительной практикой [Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2021].

В настоящее время все положения юридической техники представляют собой деловые обычаи и доктринальные положения, хотя еще более 20 лет назад А. Б. Венгеров писал о том, что мечтой многих ученых-юристов является принятие специального нормативно-правового акта о нормативно-правовых актах [Венгеров 2000: 259]. До настоящего времени такой акт федерального уровня отсутствует. Однако специальные законы, посвященные региональному нормотворчеству, приняты и действуют в 52 регионах, еще в 33 субъектах – подзаконные акты [Артамонов 2021: 78].

В специальной литературе можно встретить ряд терминов: приемы, средства, способы, методы, правила юридической техники. Одни авторы их отождествляют [Алексеев 1999: 106], другие проводят разницу между правилами и способами (приемами) [Марченко 1998: 368-372]. Отсутствие единства мнений по поводу компонентов законодательной техники в литературе связывают с многогранностью института законодательной техники [Витвицкая 2005: 95].

Определимся, что правила - это набор предписаний, устанавливающих тот или иной порядок в исполнении чего-либо в целях обеспечения наиболее эффективного результата. Способы (приемы, методы) – набор готовых инструментов, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи.

Разные авторы выделяют различные группы правил. Например, содержательные правила, правила логики, структурные правила, языковые правила, реквизитные и процедурные правила [Томин 2018: 22-23]. По причине ясности и логичности импонирует подход, в соответствии с которым выделяются правила, относящиеся к внешнему оформлению нормативных актов, правила, относящиеся к содержанию и структуре нормативного акта и правила изложения норм права [Марченко 1998: 368-372]. С учетом целей настоящего исследования в фокусе внимания будут правила, относящиеся к структуре и содержанию частей нормативного акта (УК РФ) – главе и норме, а также правила изложения норм права (языковые правила). Причем правила конструирования будут отдельно сформулированы для диспозиций и для санкций, так как специфика этих элементов нормы требует автономного решения вопроса.

Приемы (способы, методы) отражают особенности построения нормы или правового акта [Соловьев 2015: 65] и традиционно подразделяются по двум критериям: по степени обобщения и степени полноты изложения нормы.

По степени обобщения их разделяют на абстрактные и казуистические [Алексеев 1999: 111]. Вряд ли правильно пытаться определить, какой из этих способов является наиболее предпочтительным для использования при конструировании уголовно-правовых норм, так как каждый из них имеет свои преимущества. Абстрактный способ лежит в основе формирования нормы, в общем виде охватывающей все возможные и необходимые варианты поведения, а казуистический позволяет внести в норму высокий уровень конкретизации и исключает расширительное толкование. Вместе с тем исследователи справедливо отмечают и то, что высокая степень абстрагирования может привести к утрате нормативности, а казуистичность не всегда позволяет охватить все необходимые варианты [Болдырев 2015: 55]. Среди недостатков казуистического способа называется и то, что изменчивость общественных отношений с неизбежностью приведет к необходимости внесения изменений в текст закона, влечет риски пробелов в праве, увеличивает объем законодательного материала. Недостаток абстрактного способа в том, что он расширяет пределы судебного усмотрения, а граница круга криминализации становится подвижной [Денисова 2010: 95]. Однако следует понимать, что в ряде случаев использование казуистического способа описания не только целесообразно, но и является единственным вариантом описания деяния в норме.

Например, в статьях 111, 222, 228, 228.1 УК РФ. Абстрактный способ зачастую также бывает единственно возможным в силу того, что невозможно путем перечисления определить круг возможных вариантов деяния, как, например, это невозможно сделать применительно к закреплению вариантов действий сексуального характера и развратных действий, так как их вариативность ограничена только человеческой фантазией.

По степени полноты изложения нормы выделяют простой, описательный, ссылочный и бланкетный приемы законодательной техники. Недостатки простого способа в настоящее время очевидны, их можно ярко продемонстрировать на примере проблем толкования и применения ст. 126 УК РФ. Описательный способ видится оптимальным, так как позволяет с необходимой детализацией представить признаки состава преступления и сконструировать максимально понятную для правоприменителя норму. Достаточно часто законодатель также использует бланкетный и ссылочный приемы законодательной техники. Такой способ описания признаков составов преступлений также нельзя однозначно охарактеризовать как положительный или отрицательный. В тех случаях, когда использование этого способа оправданно или даже неизбежно, это всего лишь особенность конструкции. Другой вопрос, что наработанный опыт применения таких норм позволяет сформулировать некоторые правила использования их самих. Так, например, только те признаки состава преступления, которые невозможно описать в норме УК РФ, могут быть описаны бланкетным способом, из текста уголовно-правовой нормы должно быть ясно, к какому нормативному акту необходимо обратиться за уяснением бланкетного признака. При конструировании составов половых преступлений бланкетный и ссылочный способы не видятся целесообразными.

В общетеоретических исследованиях также выделяется такой прием, как дефиниция. Законодателем в УК РФ, к сожалению, используется не часто. А в тех случаях, в которых используется, как правило, находит одобрение в теории и правоприменительной практике, так как позволяет решить все возможные вопросы. Например, даны понятия убийства, изнасилования, кражи, грабежа в диспозициях соответствующих норм. В других случаях определения понятий закреплены в примечании к статьям, например понятие должностного лица в примечании к ст. 285 УК РФ. Кстати, сама конструкция примечаний также может рассматриваться в качестве самостоятельного приема законодательной техники. Однако в литературе по уголовному праву использование законодателем такой техники в тексте уголовного закона оценивается не всегда положительно [Пронина 2016: 154]. Видится положительное значение такого приема, как включение в состав норм примечаний, так как, в том числе и по оценкам других специалистов, примечание зачастую является не только оптимальным, но и единственным способом решения нормативной проблемы [Соловьев 2015: 9; Князьков 2015: 17].

Исключительным случаем, когда дефиниция закрепляется в отдельной статье Особенной части УК РФ, является ст. 331 УК РФ, в которой дано понятие преступлений против военной службы. С учетом того, что вся Особенная часть УК РФ представляет собой систему статей, закрепляющих признаки составов преступлений и санкции, имеющих логику нумерации, включение в нее статей, содержащих только определение понятий, видится нарушающим сложившуюся систему. И если необходимость существования в УК РФ ст. 331 УК РФ в действующей редакции может быть объяснена спецификой главы 33 УК РФ, то вряд ли какая-то из глав раздела 7 УК РФ обладает таким уровнем специфичности, который мог бы обусловить необходимость существования самостоятельных статей, посвященных определению понятий. Вместе с тем достаточно популярна в юридической литературе идея о закреплении в Общей части УК РФ статьи, которая бы содержала дефиниции используемых в УК РФ терминов [Черкаев 2004: 133]. Имеется практический смысл закрепить таким способом термины, которые часто используются законодателем при конструировании составов преступлений разной направленности и имеют одинаковое содержание. Однако вряд ли такое решение сможет заменить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам, так как в них разъясняются особенности толкования признаков в преломлении к специфике разъясняемых преступлений, в том числе тех терминов, которые в Общей части УК РФ уже получили определения. Например, в ряде Постановлений Пленума Верховного Суда РФ разъясняются особенности квалификации различных преступлений, совершенных в составе группы лиц по предварительному сговору, хотя ч. 2 ст. 35 УК РФ содержит понятие группы лиц по предварительному сговору, которое применимо для всех случаев его употребления в УК РФ. Кроме того, в Общей части УК РФ явно нецелесообразно закреплять определения терминов, которые имеют узкую направленность и касаются, например, одного состава преступления. Это не снимает вопроса о закреплении некоторых терминов в примечаниях к статьям, а также подтверждает то обстоятельство, что в ближайшее время роль разъяснений Верховного Суда РФ вряд ли станет менее значимой.

В специальной литературе можно встретить попытки описать правила законодательной техники для норм Общей и Особенной частей УК РФ [Абдулханьянов 2021: 82]. Однако часто они описывают скорее фактически сложившиеся традиции, а не положения, которые могут стать «флагманскими» для целей совершенствования уголовного закона.

Рассмотрим подробнее вопрос о правилах, которыми необходимо руководствоваться при конструировании глав и отдельных норм Особенной части УК РФ.

Объединение норм в систему сам УК РФ осуществляет по признакам объекта, что проявляется в структуре Особенной части, где все нормы представлены в рамках разделов и глав. Традиционным для Особенной части УК РФ является объединение норм в рамках главы по признаку видового объекта. Правильность определения места той или иной нормы зависит от правильности определения объекта, который ей охраняется.

Анализ особенной части УК РФ позволяет выдвинуть предположение о том, что, располагая статьи в рамках одной главы, законодатель исходил из общественной опасности деяния, ответственность за которое закреплена в этой статье. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в первой главе 16 УК РФ размещена ст. 105 УК РФ, в главе 17 УК РФ – ст. 126 УК РФ, в главе 24 УК РФ – ст. 205 УК РФ. Однако такая логика прослеживается не всегда. Так, глава 21 УК РФ

начинается со ст. 158 УК РФ, общественная опасность деяния, в ней закрепленного, никак не может быть определена как самая высокая среди всех преступлений против собственности. Главу 25 УК РФ начинает ст. 228 УК РФ, а общественная опасность деяния, ею закрепляемого, очевидно ниже, чем, например, того, признаки которого закрепляет ст. 228.1 УК РФ. А в главе 18 УК РФ из системы, построенной по мере убывания общественной опасности зафиксированных в ней преступлений, «выпадает» понуждение к действиям сексуального характера, являющееся преступлением небольшой тяжести, которое предусмотрено законодателем вслед за тяжкими и особо тяжкими преступлениями (ст. 131, 131), но предшествует преступлениям средней тяжести (ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135 УК РФ) [Коняхин 2012: 32-39]. Это позволяет сделать вывод о том, что уменьшение общественной опасности деяний не является обязательным или единственным критерием расположения статей в рамках главы УК РФ. Кроме того, не всегда возможно ранжировать деяния по увеличению или уменьшению степени их общественной опасности, так как общественная опасность сама по себе представляет оценочное понятие.

Критерием, который может быть использован для построения норм в рамках главы УК РФ, может быть принцип «от общего к частному». При таком подходе сначала располагаются нормы, которые закрепляют ответственность за деяния, описываемые наиболее общими признаками, а затем - нормы, которые закрепляют ответственность за деяния, имеющие, помимо общих признаков, еще и специальные, которые ограничивают круг применения нормы. В частности, это могут быть нормы, закрепляющие признаки составов преступлений, посягающих на дополнительный объект.

К правилам, которые необходимо учитывать при решении вопроса о содержании и структуре нормы, необходимо отнести следующие:

1) уголовно-правовая норма должна соответствовать Конституции РФ и не должна вступать в противоречие с иными отраслями права [Хутов 2015: 39-42];

2) каждый состав преступления должен быть сконструирован таким образом, чтобы быть содержательно отделенным от других составов преступлений [Шаргородский 1948: 101], но при этом быть частью единой системы уголовно-правовых норм;

3) одна норма должна охватывать деяния примерно одной степени общественной опасности;

4) норма должна содержать указание на все возможные способы совершения деяния (не обязательно казуистично, возможно – абстрактно);

5) в норме должны найти отражение признаки объективной и субъективной стороны, а также признаки субъекта, если они имеют отличия от признаков общего субъекта и потерпевшего, если он имеет признаки специального;

6) слова и словосочетания в тексте должны иметь однозначные связи между собой;

7) норма должна иметь краткий заголовок, позволяющий определить ее содержание и отграничить от других норм;

8) норма Особенной части УК РФ должна соотноситься с нормами Общей части УК РФ таким образом, чтобы обеспечивать возможность реализации всех институтов Общей части УК РФ;

9) все статьи Особенной части УК РФ, по возможности, должны использовать универсальные конструкции.

Говоря о последнем правиле, можно отметить, что законодатель в большинстве случаев придерживается конструкции статей, в которой первая часть устанавливает ответственность за основной состав преступления, а все последующие – за составы с квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками. Однако в ряде случаев допускается отступление от такого правила, например в ст. 134, 212 УК РФ. Вряд ли можно говорить о недопустимости таких конструкций, так как иногда может возникнуть соответствующая потребность. Для того, чтобы они не создавали проблем для практики, необходимо их конструировать таким образом, чтобы совокупность разных частей была допустима и обоснованна, либо из содержания нормы прямо следовала невозможность квалификации по совокупности разных частей. Иными словами, использование такой нетипичной конструкции не должно создавать проблемы правовой неопределенности.

Исследуя правила изложения норм права (языковые правила), в литературе можно встретить другой термин – лингвистические правила; чаще всего эти термины используются как синонимы [Каплун 2014: 277-279].

В литературе отмечается, что употребление терминов «язык права» или «язык уголовного права» достаточно условно, так как, с точки зрения стилистики русского языка, он не является самостоятельно функционирующим стилем [Кострова 2015: 98]. Однако это весьма спорное утверждение, так как можно выделить ряд особенностей, присущих только языку права и даже языку уголовного права, которые отличают его от любых других языковых стилей и не используются в других, кроме права, сферах. Например, широкое использование союзов «либо», «или», «а равно», детальное описание деяния с конкретизацией внутреннего отношения лица, его совершающего, к этому деянию.

Определим перечень лингвистических правил:

1) официальный стиль изложения, предполагающий точность, ясность, краткость, определенность, отсутствие экспрессивности, стандартизованность используемых терминов и оборотов [Ситникова 2017: 111];

2) единство терминологии – один термин должен употребляться в одном значении;

3) единство подхода к закреплению одного и того же признака в разных составах УК РФ;

3) если при описании признака состава преступления используется метод перечисления, то перечень должен быть, по возможности, закрытым. Если невозможно представить описываемый признак закрытым перечнем, то перечисленные варианты должны быть достаточными для того, чтобы правоприменитель в каждом конкретном случае мог определить тот или иной признак в качестве возможного продолжения этого перечня и, соответственно,

в качестве признака состава преступления;

4) использовать оценочные признаки следует при невозможности использования признака с конкретным содержанием;

5) при конструировании норм следует избегать общеупотребительной терминологии, а при использовании, например, медицинских терминов необходимо раскрыть содержание этих понятий, хотя при конструировании составов некоторых других преступлений (например экологических) исследователями допускается использование общеупотребительной терминологии и терминологии других отраслей знания [Тимошенко 2019: 236];

6) формулировать признаки состава преступления, используя в качестве общего правила конструкцию единственного числа, использование множественного числа допустимо только в случаях, обусловленных смысловым контекстом.

Примером нарушения последнего правила является конструкция состава, предусмотренного ст. 132 УК РФ, где в частях, предусматривающих ответственность за совершение этого преступления с квалифицирующими признаками, законодатель необоснованно использует множественное число, что создает ложное представление о том, что необходимо установить множественность действий для признания в действиях лица наличия признаков преступления: «те же деяния», «совершенные», «повлекшие» и т. д. При этом в ст. 131 (кроме ч. 5), 133 УК РФ используется форма единственного числа.

Следует отметить, что предложенные перечни правил весьма условны, они сформированы на основе теоретических исследований других авторов в этой области, а также собственных исследований в области квалификации половых преступлений, результатом которых стало выявление множества правоприменительных проблем, в основе которых лежит именно особенность конструкции нормы. К сожалению, анализ УК РФ позволяет заключить, что законодатель не всегда следует названным правилам. Практика знает не только множество случаев, когда один термин получает разное смысловое наполнение в разных случаях, но и когда используются разные подходы к закреплению одного и того же термина, что, конечно же, не способствует единообразию практики. Так, например, в одних случаях, закрепляя признак несовершеннолетнего возраста потерпевших в качестве квалифицирующего, законодатель указывает на обязательность заведомости, в других – не указывает [Рарог 2014: 70].

Таким образом, принятое решение о криминализации деяния может получить надлежащее воплощение при условии соблюдения ряда правил законодательной техники, которые позволяют закрепить в нормах УК РФ признаки составов преступлений. Сформулированы правила, относящиеся к структуре, содержанию глав УК РФ и их отдельных норм, и языковые правила.

Литература

Абдулханьянов И. А. Правила юридической техники в уголовном праве / Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 79-84.

Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.

Артамонов А. Н. О видах и формах нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2. С. 78-88.

Болдырев С. Н., Болдырев О. Н. Правовая сущность способов юридической техники / Философия права. 2015. № 1. С. 54-56.

Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М., 2000.

Витвицкая С. С. К вопросу о законодательной технике в уголовном праве / Общественные науки. 2005. № 4. С. 95-98.

Денисова А. В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации / Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 94-99.

Каплун О. А. Сравнительная характеристика понятий «Лингвистическая компетенция» и «Языковая компетенция» и их структурных компонентов в методике преподавания русского и иностранного языков / Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (60). С. 277-279.

Князьков А. А. О приемах законодательной техники в уголовном праве / Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. №2. С. 15-18.

Коняхин В. П., Жук М. С. Система институтов особенной части российского уголовного права и возможные перспективы ее оптимизации / Уголовное право. 2012. № 1. С. 32-39.

Кострова М. Б. Теоретическая модель языковой формы нового уголовного кодекса России / Lex Russica. 2015. № 12. С.78-102.

Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах /под ред. Н. М. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998.

Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 N 6-П «По делу о проверке конституционности ст. 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова» / СПС КонсультантПлюс.

Пронина М. П. Метод юридической техники уголовного законодательства / Пробелы в российском

- законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 3. С. 57-61.
- Пронина М. П. Приемы конструирования норм уголовного законодательства / Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 7. С. 152-156.
- Рарог А. И. «Работа над ошибками» - обязанность законодателя / Государство и право. 2014. № 4. С. 65-73.
- Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права / Lex Russica. 2017. № 3 (124). С. 106-122.
- Соловьев О. Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства / Юридическая наука. 2015. № 3. С. 65-67.
- Соловьев О. Г. Правотворческие приемы конструирования уголовно-правовых норм: понятие, виды, значение / Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 7-9.
- Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... док. юрид. наук. М., 2019.
- Томин В. А. Юридическая техника: учебное пособие. СПб, 2018.
- Хутов К. М., Поликарпова И. В. Теоретические правила создания уголовно-правовых предписаний / Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 39-42.
- Черкаев А. В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
- Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М., 1948.

References

- Abdulkhannyanov, I. A. (2021). Rules of legal technique in criminal law. Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4, 79-84 (in Russian).
- Alekseev, S. S. (1999). Law: ABC-theory-philosophy: experience of comprehensive research. Moscow (in Russian).
- Artamonov, A. N. (2021). On the types and forms of normative legal acts of the constituent entities of the Russian Federation. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law, 2, 78-88 (in Russian).
- Boldyrev, S.N., Boldyrev, O. N. (2015). Legal essence of methods of legal technology. Philosophy of Law, 1, 54-56 (in Russian).
- Cherekaev, A. V. (2004). Legal terminology in Russian public law: problems of application and improvement: dis. ...candidate of law sciences. Moscow (in Russian).
- Denisova, A. V. (2010). On the techniques of legislative technology used in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Society and Law, 2 (29), 94-99 (in Russian).
- General theory of state and law. Academic course in 2 volumes (1998).ed. N. M. Marchenko. T.2. Theory of law. Moscow,.
- Kaplun, O. A. (2014). Comparative characteristics of the concepts "Linguistic competence" and "Linguistic competence" and their structural components in the methodology of teaching Russian and foreign languages. Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and social sciences, 4 (60), 277-279 (in Russian).
- Khutov, K. M., Polikarpova, I. V. (2015). Theoretical rules for creating criminal law regulations. Current issues in the fight against crime, 2, 39-42 (in Russian).
- Knyazkov, A. A. (2015). On the techniques of legislative technology in criminal law. Current issues in the fight against crime, 2, 15-18 (in Russian).
- Konyakhin, V. P., Zhuk, M. S. (2012). The system of institutions of the special part of Russian criminal law and possible prospects for its optimization. Criminal law, 1, 32-39 (in Russian).
- Kostrova, M. B. (2015). Theoretical model of the linguistic form of the new criminal code of Russia. Lex Russica, 12, 78-102.
- Pronina, M. P. (2016). Method of legal technique of criminal legislation. Gaps in Russian legislation. Legal journal, 3, 57-61 (in Russian).
- Pronina, M. P. (2016). Techniques for constructing norms of criminal legislation. Gaps in Russian legislation. Legal journal, 7, 152-156 (in Russian).
- Rarog, A. I. (2014). "Working on mistakes" is the duty of the legislator. State and Law, 4, 65-73 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 25, 2001 N 6-P "In the case of verifying the constitutionality of Art. 265 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. A. Shevyakova". SPS ConsultantPlus (in Russian).
- Shargorodsky, M. D. (1948). Criminal law. Moscow (in Russian).
- Sitnikova, A. I. (2017). Legislative textual criticism of criminal law. Lex Russica, 3 (124), 106-122 (in Russian).
- Soloviev, O. G. (2015). Law-making techniques for constructing criminal law norms: concept, types, meaning. Current issues in the fight against crime, 1, 7-9 (in Russian).
- Soloviev, O. G. (2015). The place and significance of legislative techniques in the process of constructing norms of criminal legislation. Legal science, 3, 65-67 (in Russian).
- Timoshenko, Yu. A. (2019). Construction of criminal legal norms on liability for environmental crimes: problems of theory and practice: dis. ...doc. leg. sciences. Moscow (in Russian).
- Tomin, V. A. (2018). Legal technology: textbook. St. Petersburg (in Russian).
- Vengerov, A. B. (2000). Theory of state and law: a textbook for law schools. Moscow (in Russian).
- Vitvitskaya, S. S. (2005). On the issue of legislative technology in criminal law. Social sciences, 4, 95-98 (in Russian).

Citation:

Тыдыкова Н. В. О технике конструирования уголовного закона // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 43-49.

Tudykova N. V. (2023) On the Technique of Constructing Criminal Law. Legal Linguistics, 30, 43-49.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
